

Юрий
САВАРОВСКИЙ

ГРАНИ

Юрий Семенович Саваровский

Грани

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24868837
Грани: ПРОБЕЛ-2000; Москва; 2012
ISBN 978-5-98604-312-8

Аннотация

Вашему вниманию представляется сборник стихов Юрия Саваровского.

Содержание

Я многое хочу понять	6
«Сколько ж мыслей в моей голове!..»	6
«Мне заглянуть в грядущее не терпеться...»	7
«Я многое хочу понять...»	8
«Я один, и в этом одиночестве...»	9
Вампир	10
«Постой, всмотришь, не затеряйся...»	11
«Пустота – эта пропасть души...»	12
«Ночь звёздная. На голом косогоре...»	13
«Человечество тянет в омут...»	14
«Под напором синих облаков...»	15
«Наши души съедает быт...»	16
«Довлеет надо мной история...»	17
«Успел полинять горизонт...»	19
«Что ж мы клянём себя и посыпаем пеплом...»	20
«Глянь на экран – в России только звёзды...»	21
Трамвай	22
«Глубоко не хотим мы помыслить...»	23
«Вот и снова сердце замерло...»	24
«Заблудилось солнце в облаках...»	25
«Прости мне, жизнь – Не виноват...»	26
«Я хотел бы быть всегда весёлым...»	27

Подкова	28
Рублёвка	29
«Шумят, играя с ветром, тополя...»	30
«Мне хочется перекрестить...»	31
«Мы с тобою давно непоседы...»	32
«Меня терзает одиночество...»	34
«Я пережил всех шестерых генсеков...»	35
«Хватит, люди русские, стенать...»	36
«Вспоминать мы любим о хорошем...»	37
«Когда, бывало, светлым днём...»	38
«А в жизни всё не так, как я хочу...»	39
«Не допел я в труде своём песню...»	40
«Я отстаю от нынешнего времени...»	41
«Гремит оркестр духовой...»	42
«Будь славен, гордый славянин!..»	43
«Европа – одряхлевшая мадам...»	44
«В ночной тиши столетних тополей...»	45
«Я не склонен других обвинять...»	46
«Осень сирым баском...»	47
Сосед	48
«Я тягочусь обличем мещанина...»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юрий Саваровский

Грани

© Саваровский Ю.С., 2012

Я многое хочу понять

«Сколько ж мыслей в моей голове!..»

Сколько ж мыслей в моей голове!
Как мне их разложить по полкам?
Те правее, а эти левей,
Так, чтоб их не искать, как иголку.
Чтобы умные сохранить,
Чтобы глупые уничтожить,
Хоть одну, да одеть в гранит,
И затем на вторую умножить,
И найти ту словесную грань
В многогранном холодном граните,
Видеть утра рассветную рань,
Видеть жаркое солнце в зените.
И хотя бы потомок один
Их познал и признал бы своими.
И, посмертно б меня наградил,
Тем, что вспомнил, хотя б, моё имя.

«Мне заглянуть в грядущее не терпеться...»

Мне заглянуть в грядущее не терпеться,
Но, откровенно, я его боюсь,
Хотя в душе ещё надежда теплится,
Что будет в нём величественной Русь.

Что в нём она воспрянет и окрепнет,
И миссией свою непростой
По миру разнесёт душевный трепет
И жизнеутверждающий настрой.

И, может быть, в двадцать втором столетье
Она пред ближним Космосом явит
Людей на нашей солнечной планете
С великим чувством искренней любви.

«Я многое хочу понять...»

Я многое хочу понять,
Что там к чему, что здесь такое,
Чтоб мог я в счастье и покое
Свои сомнения унять?
Но я всё время нахожу,
Отверженность библейских истин.
Ужель Мормону я служу,
Или живу под гнётом мистик?
И жизнь идёт то вкривь, то вкось,
И что со мною завтра будет,
Пришито ниткой на авось
Сапожную иглою буден.

«Я один, и в ЭТОМ одиночестве...»

Я один, и в этом одиночестве
Мне тоскливо, но и хорошо,
Не долёк я мыслями до творчества,
Не скупясь, транжирю я душой.
Мне б ещё совсем немного страсти
И настроя на великий труд,
Я бы время разложил на части
Сотворенья творческих минут.
Я собрал бы светлые мгновенья
Как цветы в торжественный букет,
И на самом пике вдохновения
Написал божественный сонет.

Вампир

Взглянув поглубже в этот мир,
Я в полном ужасе отпрянул,
С кнутом воинственный вампир
Суёт мне в рот насильно пряник.

Из губ его сочится кровь,
С ушей его свисают черви,
И тучею нависла бровь,
И оголён холодный череп.

И волосатая рука,
Как будто вылита из стали,
Во рту два сабельных клыка
Сжимают челюсти в оскале.

О, этот страшный гамадрил!
К тому ж ещё изрядно пьяный,
И надо ж мне он подарил
Какой ни есть, а всё же пряник.

В какое время мы живём!
Когда за пряник гамадрилы
Проглатывают нас живьём,
И не нужны тогда могилы.

«Постой, всмотришь, не затеряйся...»

Постой, всмотришь, не затеряйся
В хитросплетеньях бытия,
В мечтах своих не заиграйся,
Не подставляйся для битья.

Держи свой ум не замутнённым,
И то, что разумом вершишь,
Сверяй с надёжным камертоном
Своей чувствительной души.

В изменчивости светотеней,
Что повстречаешь ты в пути,
Отвергни сумраки сомнений,
Чтоб дальше к истине идти.

«Пустота – эта пропасть души...»

Пустота – эта пропасть души.
Ты заполнить её не спеши,
Не поддайся велению искусства,
Поначалу ты выгреб мусор,
Что по молодости ты насорил
Потому, что себя лишь любил
И считал твоей жизни беспечной
Быть всегда и счастливой и вечной.
Только счастье закончилось скоро,
Осмотрелся – тебе уже сорок,
Ах, как годы нещадно летят!
Подытожил – и все пятьдесят!
Ну, а дальше, что может быть боле?
Дальше только печальный итог,
Хорошо, если будет без боли
Тот финал, что пошлёт тебе Бог.

«Ночь звёздная. На голом косогоре...»

Ночь звёздная. На голом косогоре
Играет ветер на одной струне,
И вся округа в плачущем миноре
Тоской осенней вызрела во мне.
Задумчивым к ночной реке спускаюсь
И мысли грустные тяну я за собой
Вослед ушедших дней. Я перед ними каюсь
За то, что их повязывал судьбой.
А что судьба? Она рукою властной
Ведёт меня желаньям вопреки
Моей души, чувствительной и страстной,
Всё ближе к устью высохшей реки.

«Человечество тянет в омут...»

Человечество тянет в омут,
И, похоже, спасения нет.
Мы забыли одну аксиому
Жизнь лишь там, где присутствует свет.
Свет души и к природе и к людям,
А иначе сплошная тьма,
Все мы что-то по-своему любим,
Только стали сходить с ума,
И нещадно природу кромсаем,
Вырубаем чеховский сад,
Всё считаем, что встретимся с раем,
Только нам уготован ад.

«Под напором синих облаков...»

Под напором синих облаков
Горизонт холодный распластался.
Неужели я один остался
Среди самых умных дураков?

Всё пространство вытянулось в пласт,
Оптимизм мой на глазах нищает.
Тусклый месяц в небе, как балласт,
Грусть мою сильнее отягощает.

И себя мне всё трудней понять:
От чего ж так безрассудно маюсь?
Нечего на дураков пенять,
Если таковым и сам являюсь.

«Наши души съедает быт...»

Наши души съедает быт,
Часто смотрим на мир мы устало,
Значит, время любви не настало,
Или мы разучились любить.
Что-то убыло в жизни уже,
Что-то нежное мы потеряли,
Пусть не копию пасторали,
Но угодное всякой душе.
Загоняем мы чувства свои
В напряжённые зоны резона,
И тогда все пространства любви
Заполняет всеядно Горгона.

«Довлеет надо мной история...»

Довлеет надо мной история,
Её вини, иль не вини,
Когда её, как инфузорию,
Рассматривают в наши дни.
Кто и намеренно, и с ходу,
Что сущно именно сейчас,
Дарует правящем в угоду
Свой, вроде, неподкупный глас.
Кто, смертью не скупясь и ранами,
Безбожно стрит божий храм
И трехсотлетие Романовых,
Как благо преподносят нам.
А так ли есть на самом деле?
Увы, совсем наоборот,
Мы рюриковчей просмотрели,
И русский позабыли род.
И вознесли на трон гольштинцев,
И даже в двадцать первый век,
Мы ждём от Запада гостинцев,
Как милостыню, для калек.
И сонмы наших либералов,
Готовых к Западу припасть,
Благоулыбчевым забралом,
Звериную скрывают пасть.
Но где теперь гольштинцев троны?

Ушли давно их времена,
Когда им встречные поклоны
Дарила русская страна.
И в наше время повсеместно
В стране российской русофоб
Поёт заезженную песню,
Подставив толоконный лоб.

«Успел полинять горизонт...»

Успел полинять горизонт,
Он стал безразличным и блеклым.
Шатаюсь, как ряженный слон,
По лавкам и по аптекам
И всё в одночасье громлю,
Так в нынешней жизни обрыдло!
Везде меркантильные рыла,
Но только не те, что люблю.
А их в наше время не счесть,
Злословят, юродствуют, гадят
На рынке и совесть, и честь,
Как плесень на винограде.
И так непотребно всё мне,
Я в юность хочу возвратиться,
Что часто мне снится во сне,
Как вольная, светлая птица.

«Что ж мы клянём себя и посыпаем пеплом...»

Что ж мы клянём себя и посыпаем пеплом
И достижения наши, и грехи,
Посевом либеральным, скороспелым
Выращиваем только лопухи.
Ужель всем нравится, со всех телеэкранов
Как калики во всём себя виним,
Зализываем, как собаки, раны,
Слюнявим смачно пошленький интим?
Привыкли что ли? Или так удобно
Считать всегда, что мир не поправим,
Иль полагать, что в тишине загробной
Очистит наши души Серафим?

«Глянь на экран – в России только звёзды...»

Глянь на экран – в России только звёзды,
Ни разместить всех, ни затиснуть в космос,
От наглости их задохнулся воздух
Ночами, вечерами, по утрам,
Куда девать прикиды их и космы,
Ну, разве сунуть в чёрную дыру.
От их напора не увидишь света
Не избежать гламура и реприз
Политиков, певичек, лже поэтов
И всяких там артистов и актрис.
Телеэкран – видения и чувства,
И наша жизнь теперь – телеэкран,
И все мы в ложе стиснуты Прокруста,
Не ведая, где правда, где обман.

Трамвай

Нет в городе надёжней транспорта,
Чем века прошлого трамвай,
И Мерседес, ты не встречай,
Пусть даже с депутатским паспортом.
В трамвае пролетарский люд,
Пенсионеры, дети, нищенки,
И никакие там гаишники
Мзду за поездку не возьмут.
И мой семнадцатый трамвай,
С Останкино и до Медведково,
Он для меня, как Первомай,
Что дан мне по наследству предками.
Я начинаю день с него
И день рабочий с ним кончаю,
От летних солнц и до снегов
Его в Медведково встречаю.
Привычно ждёт его народ,
Он открывает людям двери,
И каждый пассажир уверен,
Что он до цели доведёт.
Что этот старенький трамвай
Меня уверенно несущий,
Как утра добрые слова,
Как повседневный хлеб насущный.

«Глубоко не хотим мы помыслить...»

Глубоко не хотим мы помыслить,
Лишь поверхностно, налегке.
Мы, как вёдра на коромысле,
Что болтаемся на крюке.
Кто несёт нас? Куда? – Мы не знаем.
Толи к счастью, а толи к беде?
Как безвольные утопаем
Кем-то набранной в вёдра воде.
И поддавшись чьему то велению,
Не подумав, какой же итог,
Подлежим непременно сварению
В кипяток.

«Вот и снова сердце замерло...»

Вот и снова сердце замерло
В ожиданье светлых дней,
До сих пор иду под знаменем
Красным Родины моей.
До сих пор себя я чувствую,
Что я Родине служу,
Только ложе в ней прокрустово,
И повинным в нём лежу.
Звёзды стёрлись на погонах,
Воин сник и постарел,
Капсюль в засланном патроне
Поржавел и отсырел.

«Заблудилось солнце в облаках...»

Заблудилось солнце в облаках,
Обмануло первомайский праздник.
Солнце, солнце, экий ты проказник,
Не валяй со мною дурака.
Дураком быть, вовсе не боюсь,
Ничего со мной не может случиться,
Я тепло покину домочадца
И в колонну праздника вольюсь.
И, как прежде, песней полечу
Над страной любимой и могучей.
И пробьюсь сквозь облака и тучи
К светлому весеннему лучу.

«Прости мне, жизнь – Не виноват...»

Прости мне, жизнь – Не виноват,
Что я тебя пишу стихами,
Что я по-своему предвзят
К твоей трагедии и драме.
И к тожеству и шутовству,
Лукавству, глупости и фальши,
К незыблемому естеству
Не ведая, что будет дальше.
В своих исканиях я сник,
И я предчувствую безвольно,
Не станет ни стихов, ни книг,
А будет ли кому-то больно?

«Я хотел бы быть всегда весёлым...»

Я хотел бы быть всегда весёлым,
Не придурком, Боже упаси!
И шагать по городам и сёлам,
По дорогам памятным Руси.
Ощутить ушедшие столетья,
Пращурам всего себя излить,
В дни торжеств и в годы лихолетья
Их судьбу с моею разделить.
Не годами долгими, а днями,
Время беспощадное моля,
Ощутить ушами и глазами,
Что такое Родина моя.

Подкова

Голова ты моя, бестолковая,
Что ж ты бьёшь толоконным челом,
Пред какой-то железной подковою,
Что на входе венчает мой дом,
Доверяешь наивно поверью,
Что вот так сберегу я свой кров,
Что подковой, прибитой над дверью,
Я страхую свой дом от воров.
Что страхую себя от несчастий,
Что подкова – есть мой оберег.
Незадачливый, глупый частник,
Стародавний ты человек.
В наше время – подкова лишь глупость,
Ни надёжный замок, ни засов,
Будь дворец у тебя, иль халупа
Не преграда она для воров.

Рублёвка

Рублёвские особняки
От посторонних скрыты взоров,
И гулко бродят сквозняки
Вдоль новых пролежней заборов.
Снуют под клетью золотой,
Их незадачливые детки,
И охраняет постовой,
Их позолоченные клетки.
Вот так живут, особняком,
Отгородив себя от мира.
Я с этим миром не знаком,
Ведь у меня своя квартира.
Ну, метров так под пятьдесят,
Без золоченого сортира,
Без лабиринтов для крысят,
А для общения и мира.

«Шумят, играя с ветром, тополя...»

Шумят, играя с ветром, тополя,
Родительские истощают корни,
Заботливая мать, моя земля,
Детей своих усталой грудью кормит.
Они ж цветут, и всё им нипочём,
Волнуют лишь зелёные наряды,
И чтобы тёмной ночью, ясным днём
Их посещали и любовь, и радость.
Но вот беда – осенний листопад
Их оголил, лишив одежды модной.
Где летний блеск, где царственный наряд?
Устала мать и стала неугодной.

«Мне хочется перекрестить...»

Мне хочется перекрестить
Всю православную Россию,
Что жаждет обрести мессию,
Пред ним грехи все отмолить
Руси, что по уши в грехах,
С её царями и вождями,
С её попами и ворами,
С её молитвой на устах.
Но отмоливши, вновь по-русски,
Так, как душа её велит,
Вернётся к водке без закуски,
И будет Бога вновь молить.

«Мы с тобою давно непоседы...»

Мы с тобою давно непоседы,
Наш порыв в этом мире един,
На метро и до Парка Победы,
Коль Рейхстаг далеко и Берлин,
Над которым советские деды
Водрузили с боями наш флаг,
И теперь под величьем Победы
Пал навечно фашистский рейхстаг.
Мы с тобою не мыслим предвзято,
Понимаем, где нынче Содом,
Где всеядные лжедемократы
Превратили в помойку наш дом.
Мы с тобою советские люди,
И не молкнет наш праведный глас.
Мы великое прошлое любим,
Ненавидим, что видим сейчас.
Не хочу объяснять, что мы видим,
Это всё в наших скорбных глазах,
Когда нынче продажный видеок
Всем внушает покорность и страх.
Когда власть и церковные рясы
К толерантности нас зовут,
Когда в думе лишь точат балясы
И шикарно при этом живут.
Так не жалуйся ты, обыватель,

Бейся в скудности праведным лбом,
И надейся, что может Создатель
Наконец-то разгонит Содом.

«**Меня терзает одиночество...**»

Меня терзает одиночество,
Но я его не сторонюсь,
Хотя общенья с миром хочется,
Но в нём растльным быть боюсь.

Нет, не хочу я быть отшельником,
Быть волчьим призраком в лесу,
Но быть собачкою с ошейником,
Такого тоже не снесу.

Я не ханжа, и не расстрига,
Во мне такого вовсе нет,
И всё ж не СМИ, а только книга,
Мой повышает интеллект.

По книгам жизнь свою верстаю
И в них ответы нахожу,
Где правда, а где ложь пустая,
Какому Богу я служу.

«Я пережил всех шестерых генсеков...»

Я пережил всех шестерых генсеков,
От Сталина и вплоть до Горбача,
Двадцатого стремительного века,
Что начался с идеей Ильича
Дать в целом мире истинным трудягам
Достойную и праведную жизнь,
С серпом и молотом миролюбивым флагом,
Поднявшим труд и справедливость в высь.
Но вот неблагодарные потомки,
Добравшись до величия Кремля,
Хоть о себе и заявили громко,
Но от реформ их вздрогнула земля.
И я надеюсь, что переживу
И этих лживых наших демократов,
И, наконец, увижу наяву
Я ленинскую жизнь пролетариата.

«Хватит, люди русские, стенать...»

Хватит, люди русские, стенать
О царях, давно ушедших в Лету.
Нужно о царях державных знать,
Но не забывать своих поэтов.

Их немного, короток их миг,
Что блеснул, как молния, в юдоли
И остался на страницах книг
Тех, что изучаем нынче в школе.

Лишь они доставили для нас
Вечное светящееся слово –
«РОДИНА»! Его не молкнет глас
И завёт на подвиги нас снова.

«Вспоминать мы любим о хорошем...»

Вспоминать мы любим о хорошем
И не любим вовсе о плохом,
Только часто непосильной ношей
Проза нависает над стихом.
Эту драматическую прозу,
Как наследство неуёмных ген,
Словно застарелую занозу,
Носит в сердце наш интеллигент.
Этот господин яйцеголовый,
Завседатель всяческих богем,
Выкормыш общественной столовой,
В наше время оборзел совсем.
Призывает каяться народ:
Голову он посыпает пеплом
Мол, не так мы строили и пели
И совсем отстали от господ.
Жили при Советах, мол, паскудно,
Несвободой задыхались, мол,
Брюзжали на кухнях, а прилюдно
Славили вождей и комсомол.

«Когда, бывало, светлым днём...»

Когда, бывало, светлым днём
Я, как и многие, мечтаю,
И в неизвестности летаю,
И свой я вижу облик в нём.
И в этот миг мне хорошо,
Я с ним мечтаю воплотиться
Своей восторженной душой
Свободною на небе птицей.
И быть всегда самим собой,
И пред врагом не преклоняясь,
Идти открыто в смертный бой,
Лишь сердцем чести заслоняясь.

«А в жизни всё не так, как я хочу...»

А в жизни всё не так, как я хочу,
Не так, как мне предсказывало детство,
Я строил жизнь свою по Ильичу,
А получил неравенство в наследство.
И что же остаётся мне теперь –
Брести, склонивши голову, по миру,
Иль поплотней закрыть от мира дверь
И не пускать действительность в квартиру?
Нет, никогда такому не бывать!
Я выйду вновь под красные знамёна,
И будет людям небо вознесёно,
Земля людей на подвиг будет звать.

«Не допел я в труде своём песню...»

Не допел я в труде своём песню,
Потому, что бессрочно ушёл
По велению свыше на пенсию,
И остался с ней гол, как сокол.
А во мне созревала та сила,
Та вершина труда и ума,
Когда мне перспектива светила
И наука светила сама.
Я не рад, что такое случилось,
Время вслед показало мне,
Не нужны никакие светила
Меркантильной сегодня стране.
Не наука, а только «бабки»,
Ничего, только б больше бобла,
И не матери в ней, а бабки
Умирающего в ней села.

«Я отстаю от нынешнего времени...»

Я отстаю от нынешнего времени
И взглядами, и телом, и душой,
В моей старорежимной темени
Лишь островок остался небольшой
Для познавания нынешних реалий
Отличных от моих, с какими жил,
Когда я ни за деньги и медали
Своей любимой Родине служил.
Когда я знал – мне нужно стать солдатом,
Чтобы по зову дедов и отцов,
Быть с Родиной по зову сердца рядом
И не скрывать от Родины лицо.
А что сейчас, из офисов планктоны
Услужливых, без имени и лиц,
Не любят так солдатские погоны,
А любят так лишь деньги и девиц.

«Гремит оркестр духовой...»

Гремит оркестр духовой,
Поёт торжественно «славянку»
Мою оправил он осанку
И флаг поднял над головой.
Я через много лет в строю,
Шагаю, глядя в поднебесье,
И упоительно пою
Души пленительную песню.
И вижу русский мой народ,
Таким единым и всеильным,
Так, что за красно, бело, синем
Усыпан красным небосвод.

«Будь славен, гордый славянин!..»

Будь славен, гордый славянин!
Узри свой путь в веках нелёгкий
Мечом своим горячей ковки
Нещадно врагов плени.
Тебя пытаются сломить
Неумолимо и веками,
И дядя Сэм и дядя Смит
Всегда с тугими кошельками.
Но никакие кошельки
Тебя, я знаю, не подкупят,
Коль босяки и бедняки
Мечи возмездья не затупят.

«Европа – одряхлевшая мадам...»

Европа – одряхлевшая мадам,
Америка – взбесившаяся леди,
Наследницы они кровавых драм
И спидоноски нынешних трагедий.
Молчат славяне. Все они теперь
Им, спидоноскам, открывают дверь,
Целуют руку дряхлую старухе
И бьют челом заокеанской шлюхе.

«В ночной тиши столетних тополей...»

В ночной тиши столетних тополей,
Когда на небе гулко молкнут звёзды,
О, где ты, Бог? Меня ты пожалей
И соскреби с моей души коросты.
Они давно довлеют надо мной,
Всё светлое в моей душе сжимают.
Какой то неизвестной мне виной
Они гнетут, я до сих пор не знаю.
И сколько ж нужно пережить ночей,
Которые так долго будут длиться,
Чтоб озарили взгляд моих очей
Далёкие, как молнии, зарницы.

«Я не склонен других обвинять...»

Я не склонен других обвинять,
И себя обвинять – я не склонен,
Не ищу я защиты в резоне,
Никогда не спасёт он меня.

Сколько ж нужно торжественных слов,
Чтобы стать в этой жизни желанным,
И найти свой обыденный кров,
В нашем мире глумливом и жадном?

Может взять, и на всё наплевать,
По инерции дальше катиться.
Не способным повелевать
Как стремленьям твоим воплотиться?

Так живи без претензий, как все,
Ешь и пей, не терзаясь итогом,
Собирай на себя досье,
Чтобы им оправдаться пред Богом.

«Осень силным баском...»

Осень силным баском
Нагнетает простуду.
Что за хилое горло?
Хрипит и хрипит,
Я боюсь инфуленций,
Я мою посуду,
И теперь стороной
Обхожу общепит.
Мою тщательно руки,
И тепло одеваюсь,
Не певец я, но горло
Боюсь застудить,
И к морозной зиме
Я сегодня взываю
К той, что сможет
Микробы простуды убить.

Сосед

Я о народе сужу по соседу,
Встречаю на улице,
В лифте с ним еду,
Зову на беседу,
А он всё молчит,
Или мычит по коровьи:
Ну, как поживаешь?
Как внук? Как здоровье?
Да, всё хорошо.
Всё прекрасно, Ты знаешь.
К чему многословье?
Слегка улыбнётся,
Как будто бы каясь,
Как будто в нём бьётся
В отчаянье Каин.
Но он же не Каин,
Ни вор, ни проныра
Он наш человек
Из советских окраин
Он наш человек
Из недавнего мира.

«Я тягочусь обличем мещанина...»

Я тягочусь обличем мещанина
В однообразном повседневном быте.
В мозгах моих сплошная мещанина
Событий прошлого и нынешних событий.
Мне трудно отделить зерно от плевел,
Я верю в то, что кажет телевизор,
По убеждениям своим я больше левый,
А в правые легко попасть без визы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.